

Юэ Инян выпрямил спину. На его лице не осталось и следа прежней подавленности, растерянности или горечи — казалось, передо мной совершенно другой человек. Черты лица, прежде словно высеченные из камня, теперь озарились надеждой, став еще более притягательными. Сыту Гунхун невольно засмотрелся и пришел в себя, лишь когда Юэ Инян закончил говорить, после чего поклонился следом за ним. Когда старик снова поднял голову, в его глазах читались спокойствие и мудрость — точь-в-точь такими они могли бы стать у самого Юэ Иняна в старости. Сыту Гунхун почувствовал, как к горлу подступил ком: теперь он знал, что у него и Иняна наконец появились родные люди.

Ну же, хватит, вставайте! Вставайте и говорите! — Юэ Вэйго протянул руки, чтобы помочь обоим подняться. Коснувшись плеча Сыту Гунхуна, он на мгновение замер, вспомнив, что перед ним император, но, заметив в его глазах ожидание, твердо ухватился за плечи, словно обнимая собственного сына.

Трое уселись за стол. Юэ Вэйго перевел взгляд с одного молодого лица на другое и произнес: Я — вельможа, служивший трем императорам, помогавший основателю династии завоевывать эти земли. После восшествия на престол покойный император лично даровал мне титул генерала Вэйчэн. Я видел, как ты рос. Раз уж вы с Иняном души друг в друге не чаете, я вполне достоин того, чтобы ты называл меня отцом.

Сыту Гунхун был человеком крайне смышленным и сразу понял, что нужно действовать немедленно. Он уже собрался подняться, чтобы поклониться, но Юэ Вэйго остановил его, и император с удивлением поднял взгляд.

Только вот наше родство останется внутри семьи Юэ, — строго добавил старый генерал. — В зале суда ты останешься императором, а мы — твоими подданными. Никаких поблажек или особого отношения быть не должно. Ты сможешь это сделать?

Поистине, Юэ Вэйго был человеком несгибаемой воли — вряд ли кто-то другой решился бы выдвинуть императору подобные условия. Уважение и любовь Сыту Гунхуна к Юэ Вэйго, и без того глубокие из-за его чувств к Юэ Иняну, вспыхнули с новой силой, и он с радостью согласился. Почувствовав, как хватка Юэ Вэйго ослабла, он поклонился и отчетливо произнес: Отец.

Юэ Вэйго погладил длинные усы, чувствуя радость на душе. Увидев, что Юэ Инян последовал примеру Сыту Гунхуна, он кивнул, довольный тем, что они повторили обряд бракосочетания. Однако выражение его лица стало серьезным.

Сделав глоток поднесенного ими чая, он выпрямился: Сядьте. Есть вещи, которые вы должны знать прямо сейчас. Он вытащил из рукава шелковый свиток и развернул его на столе. Вглядевшись, оба замерли: это был план военной обороны Вэйчэна!

По лбу Сыту Гунхуна покатился холодный пот. Он низким голосом спросил: Отец, откуда у вас эта карта?

Важность плана обороны Вэйчэна была колоссальной. Помимо личного экземпляра императора, хранившегося в секретном кабинете, еще одна копия была лишь у генерала Цая, отвечавшего за защиту города. Даже Юэ Инян, будучи генералом Яньвэй, не имел к ней доступа, так как отвечал за иное направление. Никто не ожидал, что Юэ Вэйго, много лет не вмешивавшийся в дела, в одночасье явит столь секретный документ! Если бы карта попала в руки злоумышленников, оборона имперской столицы рухнула бы, а сам император оказался бы в ловушке.

Сыновья, в последнее время вы оба ослеплены чувством, — старый генерал наставительно посмотрел на двух невероятно одаренных, но молодых людей. — А ведь правитель страны и защищающий ее генерал не могут позволить себе видеть лишь то, что творится в стенах столицы!

Услышав обращение отец, старый генерал почувствовал огромное облегчение. Оба они, обладавшие великим умом, осознали свою ошибку: в последнее время они были поглощены лишь друг другом, не желая думать ни о Вэйчэне, ни о судьбе Династии Да Шэн. Теперь, услышав слова старика, они ощутили жгучий стыд.

Юэ Вэйго видел их раскаяние и, одобрив это, продолжил: Этот план был у ван Пинсяня — он собирался использовать его для подкупа недовольных министров. Это лучшая улика против него! Как документ попал ко мне, неважно. Сейчас самое главное — успокоить двор, чтобы никто не переметнулся на сторону ван Пинсяня из-за недовольства вашими недавними выходками, и во всеоружии подготовиться к удару. Один из вас — прославленный полководец, другой — молодой и решительный император. Думаю, мне, старому отшельнику, не нужно учить вас, как взять ситуацию под контроль.

В глазах обоих вспыхнул огонь. Они были в ярости от того, как ван Пинсянь воспользовался моментом, чтобы нанести удар в спину, и одновременно благодарили судьбу за бдительность Юэ Вэйго. Если бы они промедлили, то могли бы проснуться в тот день, когда ван Пинсянь вошел бы в Золотой зал в сопровождении мятежных чиновников. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь тонкими струйками дыма из курильницы.

Ну вот, ночь глубока, старику пора отдыхать. Не знаю, что со мной — в последнее время совсем нет сил, едва стемнеет, сразу в сон клонит, — Юэ Вэйго поднялся и многозначительно улыбнулся, после чего вышел в сопровождении своей верной охраны.

Юэ Инян и Сыту Гунхун обменялись взглядами: они поняли намек — никто не должен знать о визите старика. Когда фигура генерала исчезла за стеной, оба ощутили странное спокойствие.

И надо же было мне признать своим отцом старого лиса, — усмехнулся Сыту Гунхун. Юэ Инян хотел было возразить, но задумался: ведь он и сам до конца не знал этого человека, который еще в его юности был величайшим полководцем империи. Скрывать такую проницательность даже от самых близких — тут явно не обошлось без лисьей хитрости. Он горько рассмеялся.

Однако ван Пинсянь весьма дерзок! — через мгновение лицо Сыту Гунхуна стало суровым.

Юэ Инян добавил: С тех пор как ты взошел на престол, чтобы ослабить влияние кланов в Вэйчэне, ты под любым предлогом разослал членов императорской семьи по регионам и запретил им возвращаться без указа. Они затаили злобу и теперь ухватились за шанс. Но как он заполучил карту обороны?

Это просто. Проверим, кто из тех, у кого был к ней доступ, внезапно разбогател или стал вести себя вызывающе, — Сыту Гунхун с силой ударил кулаком по кофейному столику, и дерево расколосось пополам. Вспомнив, что рядом Юэ Инян, он виновато улыбнулся.

Юэ Инян не мог сердиться на этого большого ребенка, вечно сменяющего маску императора на простоту юноши. Он лишь насмешливо посмотрел на него, и оба, рассмеявшись, вернулись к делу.

Наше главное преимущество — не дать ван Пинсяню узнать, что мы в курсе его планов. Это успокоит министров и не даст им повода бежать к нему. Мы покажем, что только под твоим началом Династию Да Шэн ждет процветание. Тогда ван Пинсянь останется ни с чем.

Закончив, Юэ Инян заметил, что Сыту Гунхун смотрит на него с нескрываемым изумлением. Что? — спросил он, сразу пожалев о вопросе, боясь услышать какую-нибудь глупость вроде мне нравится смотреть на твое лицо.

Ты и впрямь сын Юэ Вэйго. Неужели в твоей голове всегда были такие идеи, а ты просто скрывал их, боясь, что я стану сильнее? Оказывается, вы все в семье Юэ хитры, как лисы!

Сыту Гунхун знал, что Юэ Инян умен, но до сих пор они были заняты лишь соперничеством друг с другом. Сегодня, услышав четкий анализ ситуации, он пожалел, что раньше тратил время на любовные игры вместо того, чтобы использовать таланты этого стратега.

Кто бы говорил о хитрости! — парировал Юэ Инян, вспомнив, как Сыту Гунхун рассказывал о том, как расправился с Ван Ляньфу.

Верно. Значит, теперь, действуя вместе, мы заставим их плясать под нашу дудку! — Сыту Гунхун решил преувеличить успех.

Хватит. С завтрашнего дня Армия Соколов и твоя гвардия не должны проявлять активности, чтобы не спугнуть дичь. Нам нужны надежные люди, причем никто из них не должен знать всей картины целиком. Давай оценим силы ван Пинсяня.

Согласно законам династии, каждый владетельный князь может держать не более десяти тысяч кавалерии, тридцати тысяч пехоты и десяти тысяч прочих войск. Итого — предел в пятьдесят тысяч. Ван Пинсянь сейчас пытается выставить нас тиранами, так что вряд ли он выведет больше войск, чтобы не выглядеть предателем.

Юэ Инян кивнул: Но если он решится на мятеж, то наверняка призовет на помощь других князей, которых ты отправил в ссылки. На осенних празднествах они все придут в Вэйчэн. Если собрать их войска вместе, выйдет до ста пятидесяти тысяч! Против такой силы мои пять тысяч Соколов и твои двадцать тысяч гвардейцев — что капля в море.

Поэтому нам нужно заполучить тигриную печать, чтобы призвать пятьдесят тысяч гарнизонных войск Вэйчэна и двадцатитысячную армию из соседнего города Каньчэн. Тогда у нас будет двести восемьдесят тысяч — мы вмиг утопим этих мятежников в реке Цило!

Половина печати у канцлера Суна, — напомнил Юэ Инян. — Он был ярким противником наших дел и первым требовал отдать власть князьям. Без его части печати нам ничего не добиться.

Сыту Гунхун покраснел: Ты знал? Он не хотел расстраивать Иняна вестью о том, что канцлер требует отстранения императора.

Юэ Инян сделал шаг вперед и обхватил его за плечи: Я решил, что отныне мы будем сражаться вместе. Или ты хочешь и дальше играть в героя-одиночку и держать меня за спиной как бесполезную куклу?

Сыту Гунхун был ошеломлен. Раньше он действительно хотел быть защитником для Юэ Иняна, но, ощутив радость от совместного планирования сражений и борьбы за власть, он понял, что не хочет иначе. Он был влюблен в Юэ Иняна, в его сияющий взгляд, и хотел пройти через все бури рука об руку.

Если я снова скажу, что хочу быть твоим щитом, я не достоин тебя, Юэ Инян! Нет, не император, а я, Сыту Гунхун, клянусь: отныне мы будем поддерживать друг друга, защищать и доверять друг другу во всем! — его глаза увлажнились, и он крепко сжал руку Юэ Иняна.

В нашей войне я проиграл окончательно. В моем сердце нет места ни для кого другого. Ты доволен? — Юэ Инян улыбался, и эта улыбка, полная нежности и легкого кокетства, заставила сердце Сыту Гунхуна затрепетать. Зная, что время неподходящее, он сдержал порыв и просто сказал: Я проиграл еще раньше, ведь в моем сердце с самого начала никто, кроме тебя, не жил.

Юэ Инян был взволнован: он получил то, о чем и мечтать не смел — возможность стоять рядом с Сыту Гунхуном как равный, не как фаворит, а как спутник, с которым можно разделить все.

В этот момент, посреди опасности и интриг, они обрели нечто большее, чем власть. Сыту Гунхун осознал: теперь он не просто император, но и муж.

Они договорились действовать как обычно, чтобы усыпить бдительность врага. Ночной визит в

Резиденцию генерала уже наверняка стал инструментом в руках ван Пинсяня, чтобы сеять раздор среди чиновников, так что эту пьесу нужно было продолжать.

Через два дня от ван Пинсяня по-прежнему не было вестей — он осторожничал, не оставляя следов до самого часа икс. Оба они по-прежнему беспокоились из-за второй половины тигриной печати. По закону император не мог мобилизовать более пятидесяти тысяч человек без печати канцлера, что было придумано, чтобы предотвратить самодурство правителей, но теперь стало их главным препятствием.

После обеда, когда Юэ Инян безуспешно пытался читать книги по стратегии, ему доложили, что некий господин Лун просит о встрече. Юэ Инян догадался, кто это, и велел впустить гостя. Тот снял широкополую шляпу — это был Сыту Гунхун.

Зачем пришел днем? Мы же договаривались быть осторожнее, — упрекнул его Инян.

Я придумал, как достать печать! — Сыту Гунхун хотел было выпить чаю, но передумал.

Как? — Инян, перебравший в уме все возможные способы, был заинтригован.

Украсть! — с гордостью ответил император.

Тем вечером по городу поползли слухи: император, переодетый простолюдином, посетил дом канцлера Суна. Он выглядел изможденным, впервые назвал канцлера старшим наставником и покался в своих ошибках, пообещав больше не настаивать на отношениях с Юэ Иняном... мол, Инян хоть и много сделал для страны, но его переведут на другую должность, чтобы не портить отношения с двором.

Это была первая уступка императора министрам. Радостный канцлер, рыдая, забыл обо всем на свете и уж точно не догадался проверить, в безопасности ли его часть тигриной печати.

На следующее утро чиновники собрались в зале суда, сияя от радости. Раз император покался, вопрос о его низложении отпал. Они привыкли к стабильности и не хотели перемен.

В бешенстве был лишь ван Пинсянь, чей план рушился. Но он решил не сдаваться: у него оставалась карта обороны и тринадцать тысяч наемников, уже проникших в город. Он собирался под лозунгом очистки двора от негодяев разгромить всех одним махом.

Но неожиданно император объявил, что на границе неспокойно — кочевые племена нарушили границы Династии Да Шэн. После ночного совещания с канцлером Суном было решено направить Юэ Иняна с армией в двести пятьдесят тысяч человек для подавления мятежа.

Юэ Инян, ожидавший за воротами, немедленно вошел в зал, поклонился и принял обе части тигриной печати из рук Сыту Гунхуна. Он поклялся, что не вернется, пока не прогонит варваров за пределы страны. Так, с полным комплектом печатей, Юэ Инян отправился в военное ведомство собирать войска.

<http://bllate.org/book/21159/2144495>